

Кифа

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf1.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

15⁽¹⁵³⁾
декабрь 2012

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 3

**«Я готов без ропота
встретить смерть, прошу
лишь о том, чтобы этим
ограничились и пощадили
остальных»**

Исполнилось 140 лет со дня рождения осужденного на расстрел на «Петроградском процессе» Юрия Петровича Новицкого

С. 5

**«Последнее искушение
Христа»**

Фильм Скорсезе говорит о проблеме, которая разъедает все христианское человечество и является живой иллюстрацией того, как соль может потерять силу только потому, что христиане потеряли свою духовную пассионарность, превратились в мешан, у которых единственный символ веры: «Бог, дай, дай, да побольше дай»

С. 6

**Надо сохранить
благословенную сложность
христианского учения**

Интервью Сергея Сергеевича Аверинцева, данное почти пятнадцать лет назад болгарской газете «Церковный вестник», звучит по-прежнему актуально

Язык Церкви

**«Виновным себя не признал,
участие в собраниях и
религиозных обрядах не
отрицал»**

Исполнилось 75 лет со дня мученической кончины иеромонаха Феофана (Адаменко), автора переводов на русский язык трех Литургий, Всенощного бдения, Треника, ряда молитвословий Триоди и Минеи

«Будем желать, чтобы вновь воспрянула первая ревность усердия и любви»

Исполнилось 220 лет со дня рождения преподобного Макария Алтайского

Выдающийся миссионер, численный в 2000 году к лику святых, архимандрит Макарий (Глухарев), по мере накопления опыта миссионерского служения стал отдавать предпочтение использованию русского языка в деле христианского обращения и воцерковления. Сегодня, когда продолжаются споры о богослужебном достоинстве русского языка, нам важно вновь обратиться к тому, о чем размышляли почти 200 лет назад наши предки, уже тогда задумывавшиеся о значении переводов для судьбы нашей церкви.

Письмо преп. Макария к свт. Филарету митр. Московскому, от 23 дня марта 1834 года

О потребности для Российской Церкви предложения всей Библии с оригиналь-

ных языков на современный русский язык.

..Известно же, что нынешний русский народ от прочих славянских народов отличен наречием, и Церковь Христова в нашем отечестве не славянскою, а российскою называется. Потому россияне, как уже получили особое имя и лице в Царствии Божием, по законам онаго, должны были получить и Библию на российском наречии...

Не я один и желаю и надеюсь, что <...> российская Церковь получит полную Библию на том языке, которым россияне мыслят, говорят, пишут и добро творят.

Итак будьте спокойны: если Иисус Христос и в еврейской и в еллинской Библии один и той же; то российская Библия даже в переводе с известного ныне еврейского подлинника не сдела-

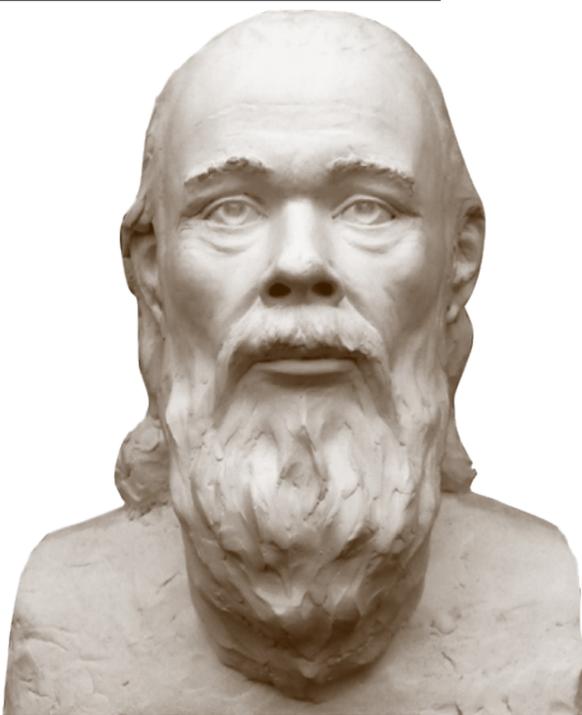
ет никакого смущения православному исповеданию российской Церкви ...

Будем радоваться, что российское слово созрело и возмужало для выражения слова Божия. Будем желать, чтобы вновь воспрянула первая ревность усердия и любви, и, при Божием благословении, ознаменовалась произречением полной Библии на российском языке.

Вы говорите: предки наши держались в простоте сердца славянской Библии, и спасались. – А когда мы будем держаться в простоте сердца и славянской Библии, и российской, и еллинской, и еврейской: тогда разве не возможем спастись?...

Не должно останавливаться всем вниманием на одной букве Библии, а искать самого слова Божия, жизни и света, путем сей буквы, еврейская ли она, еллинская ли, или российская.

Окончание в приложении «Язык Церкви»

Преподобный Макарий Алтайский
Скульптурная реконструкция С.А. Никитина

Вестник духа и смысла

В Доме Русского Зарубежья состоялась конференция, посвященная девяностолетию издательства «ИМКА-Пресс» и выходу двухсотого номера журнала «Вестник РХД»

Старейший журнал русского зарубежья впервые вышел в 1925 году как информационный бюллетень Русского христианского студенческого движения (РСХД), объединявшего с 1920-х годов русскоязычную христианскую молодежь в Европе. Ключевую роль в создании самого движения сыграла международная христианская ассоциация ИМКА (YMCA – The Young Men's Christian Association).

Деятельность ИМКА в России началась в 1900 году и впоследствии находила одобрение со стороны патриарха Тихона. Именно в этом движении впервые зародились религиозные кружки, целью которых было служение братскому единению и духовному пробуждению студентов. Среди них были выдающиеся философы, богословы, поэты, композиторы, священники: Александр Скрябин, Игорь Стравинский, Иван Бунин, Владимир Марцинковский, будущий священномученик Владимир Амбарцумов. Благодаря издательской деятельности ИМКА, которая после переворота 1917 года продолжалась за пределами советской России, увидели свет книги протоиерея Сергея Булгакова, Николая Бердяева, протопресвитеров Александра Шмемана и Николая Афанасьева, Александра Солженицына. Как рассказала д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН Евгения Иванова, во время голода 1921–1924 годов ИМКА была едва ли не единственной организацией, спасавшей от голодной смерти советских «лишенцев».

– Перед революцией ИМКА осознала, что студенческий мир имеет в XX веке первостепенное значение, чего Россия тогда еще не понимала. И они стали организовывать в России студенческие кружки, – сказал директор издательства «ИМКА-Пресс» Никита Струве, возглавляющий «Вестник РСХД» последние 50 лет. – Я застал деятелей ИМКА 50–60 лет назад выдающимися в культурном и нравственном отношении людьми.

Он вспомнил руководителей движения – первого лауреата Нобелевской премии мира, крупнейшего религиозного деятеля конца XIX – начала XX веков Джона Мотта и его секретаря и приемника Пола Андерсона, в 1918 году арестованного ЧК и высланного из России.

О том, как складывались взаимоотношения между издателями и авторами «ИМКА-Пресс», рассказала доцент Страсбургского университета, член редколлегии «Вестника РХД» Татьяна Викторова. Она показала письма Алексея Ремизова Полу Андерсону, Николаю Бердяеву и Борису Вышеславцеву, возглавлявшим в разные годы «ИМКА-Пресс».

Окончание на с. 8

Отец Павел, у нас недавно появилась рубрика, посвященная диалогу церкви и культуры. Как только мы стали говорить об этом сравнительно регулярно, а не от случая к случаю, мы гораздо яснее увидели, как много тут есть подводных камней с самых разных сторон. Так как Вы на эту тему размышляете, хотелось бы знать, какими Вы видите самые главные проблемы диалога церкви и культуры сегодня?

Есть несколько ключевых проблем, которые мешают полноценному диалогу. Одна из них – то, что церковное общество в своей массе вообще не готово к любому открытому диалогу независимо от того, диалог ли это с культурой, или с учёным сообществом, или даже с журналистским. В церкви есть хроническая бо-

Невероятный риск

Интервью с протоиереем Павлом Великановым, главным редактором научного богословского портала «Богослов.Ru», проректором МДА по научно-богословской работе

лезнь, название которой – декларативность. Мы привыкаем вещать с амвона и подсознательно уже не предполагаем, что нам кто-то имеет право и может ответить, тем более ответить аргументированно, обоснованно и т. д. Мы сразу же пугаемся этих вещей, замыкаемся в себе и воспринимаем этого человека как потенциального «духовного врага». Так что первая задача, которую необходимо решить, чтобы вывести диалог на более высокий уровень, – это научить будущих священников самой форме диалога.

Ещё одна проблема диалога – в том, что в нашем церковном сообществе есть, к сожалению, не вполне изжитая болезнь переходного периода, которую можно назвать скрытым антагонизмом к светской культуре. Мы воспринимаем культурное сообщество как людей, которые пытаются собой подменить религию. Такое мнение действительно имеет право на существование, поскольку в секулярном обществе (в том числе коммунистическом) значительную долю функций церкви именно в плане просвещения, более того – я бы даже сказал катарсиса, брали на себя деятели культуры.

Окончание на с. 7

Церковь и общество

Патриарха Кирилла россияне воспринимают в первую очередь как духовного лидера нации

Патриарх Кирилл известен сегодня большинству россиян: 62 % опрошенных смогли без подсказки назвать имя предстоятеля Русской православной церкви, сообщили агентству «Интерфакс» социологи ВЦИОМ, представляя результаты своих исследований.

По их данным, наиболее информированы, как правило, респонденты предпенсионного и пенсионного возрастов (71–72 %), а также люди с высоким уровнем образования (64 %), проживающие в Москве и Петербурге (75 %).

Не знают имя патриарха свыше трети опрошенных (35 %), в основном молодежь (52 %), жители крупных городов (47 %), показал опрос, проводившийся в 138 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России.

Патриарх для населения страны – в первую очередь моральный наставник нации (45 %), а уже потом руководитель одной из религиозных конфессий (37 %). Реже всего он воспринимается россиянами как государственный деятель, член высшего руководства страны (9 %).

Духовного лидера в патриархе видят, прежде всего, женщины (48 %), респонденты, не имеющие высшего образования (44–46 %). Как руководителя одной из конфессий его воспринимают в основном мужчины (40 %), высокообразованные россияне (41 %) и жители обеих столиц (49 %).

20 ноября патриарху Московскому и всея Руси Кириллу исполнилось 66 лет. Он был избран на этот пост Поместным Собором 27 января 2009 года.

Интерфакс-религия

«Последнее искушение Христа»

Продолжение темы на с. 5

На могиле Никоса Казандзакиса установлен простой крест из двух перекрещивающихся тонких жердей и начертана простая и исполненная суровой гордостью надпись: «Я ничего не боюсь, ни на что не надеюсь, я – свободен».

Почему сегодня стоит напомнить всем об этой надписи на последнем пристанище лауреата Международной премии мира, автора романа «Последнее искушение» Никоса Казандзакиса? Потому, что нашлись люди, которые воскресили популярность нашумевшей в России 15 лет назад экранизации этого романа. Работу режиссера Мартина Скорсезе с немного более эпатажным названием «Последнее искушение Христа» снова поставили под прицел критики. На этот раз со стороны деятелей известной политической партии¹. В настоящее время есть и реакция кинематографической

общественности², есть и официальные заявления церковных спикеров, есть какие-то обсуждения в блогах, но нет, или почти нет, оценки самого ядра этого вопроса.

Когда в 1988 году эта картина вышла на широкие экраны США, её сопро-вождала скандальная слава и жестокая критика. Примечательно, что многие из критиков картины признавались в том, что не видели её. Так, католик архиепископ Лос-Анджелеса Роджер Махоуни назвал фильм «морально оскорбительным», хотя сам его так и не посмотрел.

Аналогичная ситуация сложилась в России в 1997 году, когда была объявлена российская премьера картины.

И вот в начале ноября было объявлено, что Генеральная прокуратура России распорядилась провести проверку фильма «Последнее искушение Христа» на экстремизм.

Размышления об этом событии читайте на с. 5 в слове ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова.

¹ Инициатором проверки фильма «Последнее искушение Христа» на наличие признаков экстремизма выступил депутат Госдумы от ЛДПР Александр Старовойтов.

² Так, известный режиссер Александр Сокуров заявил, что проверка фильма Скорсезе на экстремизм противоречит Конституции.

³ Глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества прот. Всеволод Чаплин по сообщению информационного агентства «Интерфакс-религия», не считает фильм экстремистским, хотя и напоминает, что в нем дана отличная от евангельской трактовка образа Христа.

Управделами Московской Патриархии раскритиковал священников за стремление к роскоши

Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий на заседании епархиального совета Саранской епархии подверг жесткой критике роскошь среди священнослужителей. Он, в частности, сказал: «В последнее время, как вы знаете, в Интернете по разным поводам развернута информационная атака на духовенство, иерархов и самого Предстоятеля Русской Православной Церкви. ...В контексте пристального внимания СМИ к духовенству считаю важным затронуть вопрос о целесообразности использования священниками автомобилей выше среднего класса. Этот вопрос не праздный, как кому-то может показаться на первый взгляд. Мы живём не в Западной Европе, где такая проблема от-

сутствует, а в России, большая часть населения которой живёт всё ещё бедно и, естественно, обращает внимание на быт священника. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в тот же Интернет, и особенно блогосферу. Мне хорошо известно, что некоторые священники в Саранске и районах, как правило, в молодом возрасте, имеют нескромные средства передвижения. Не вдаваясь в подробности их происхождения: подарок ли это от знакомых, родителей или еще что-либо, хочу предупредить, что при начислении взносов с прихода в епархиальное управление, где служит или является настоятелем такой священник, упомянутые факты будут учитываться. Также стоит мне подумать и о возложении дополнительного послушания на таких священников

как имеющих таланты успешно работать со щедрыми людьми. Неприятные случаи часто происходят с теми священниками, которые вместо служения Богу начинают служить себе, своему достатку, излишнему комфорту, забывая, что Христос, образом Которого они являются, пришел послужить людям и отдать за них Свою жизнь. Такие пастыри вместо носителей света становятся великим соблазном для окружающих. По слову св. праведного Иоанна Кронштадтского: «все дела и поступки пастыря должны быть чисты, светлы, назидательны, так, чтобы смотря на них, пасомые сами зажигались бы Божественною ревностью», стремясь к нелицемерному Богоугождению».

«Православие и мир»

Православное образование

Школьные учителя хотят разбираться и в истории церкви, и в иконописи

С 29 октября по 7 ноября декан факультета религиоведения СФИ, канд. филос. наук, магистр богословия М.В. Шилкина прочитала авторский курс «История церковно-государственных отношений в России» в рамках переподготовки учителей на кафедре философии образования Московского института открытого образования (МИОО).

Помимо доминирующей в истории России традиции симфонии церкви и государства, внимание в курсе уделено и историческим прецедентам жизни церкви вне зависимости от государства и опыту противостояния ее обмирщению.

Треть курса посвящена XX веку – самому непростому периоду в истории церковно-государственных отношений. Он

ознаменован, с одной стороны, открытыми гонениями советского государства, поставившего церковь на грань физического уничтожения, а с другой стороны, беспрецедентным опытом противостояния злу, явленным святыми новомучениками и исповедниками. Именно в XX веке церковно-государственные отношения впервые получают богословское и религиозно-философское осмысление и в трудах представителей русского зарубежья, и в Основах социальной концепции РПЦ.

– Приятно было видеть среди слушателей религиоведческого курса учителей литературы, истории, математики и других предметов средних и младших школ, а не только, скажем, курса Основ религиозной культуры и светской этики. Это

означает, что учителя всерьез настроены на всестороннее повышение своей квалификации и хотят лучше разбираться в непростых вопросах церковной истории, – отметила М.В. Шилкина.

Свой авторский курс «Мировая художественная культура и христианство» в рамках программы переподготовки учителей в МИОО прочитал и профессор СФИ, канд. пед. наук А.М. Копировский.

Первая лекция – экскурсия в Центральный музей древнерусской культуры и искусства Андрея Рублева.

– Общая задача этого небольшого спецкурса – не научить учителей, что говорить на уроке, но прежде всего дать им возможность самим глубоко пережить встречу с подлинниками. Иначе их слово никого не затронет. Цель только

одна – разбудить восприятие человека, чтобы он не пересказывал чужие мнения, иногда даже очень хорошие, но сам научился видеть, и чтобы этот опыт вошел в его жизнь, – прокомментировал А.М. Копировский.

После этой экскурсии две лекции прошли в аудитории, а завершился курс в конце ноября экскурсией в Государственную Третьяковскую галерею.

В планах программы переподготовки – еще один курс, знакомящий слушателей с основами ислама. Его прочитает ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ, канд. ист. наук А.В. Журавский.

Информационная служба СФИ

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудряцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 4 декабря 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 6 декабря 2012 г.

Новости православных братств

Христианство не бывает без другого человека

Н.Н. Неплюев

В Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино открылась выставка об одном из самых удивительных людей рубежа веков – Николае Николаевиче Неплюеве (1851 – 1908). Эта экспозиция, чье название представляет собой отзвон Владимира Соловьева о Неплюеве – «Он не преклонился перед силой факта» – приехала в Москву впервые. До этого она была представлена в загородном доме Культурно-просветительского центра «Преображение».

Директор Выставочного центра ВГБИЛ Татьяна Феоктистова заметила, что посвященную Неплюеву выставку обязательно должны увидеть читатели именно этой, старшей московской библиотеки, потому что здесь есть зал религиозной литературы, что до сих пор является редкостью.

На выставке в Библиотеке иностранной литературы

– Дорогие мои! Позвольте передать вам привет и поклон от генерального директора нашей библиотеки, Екатерины Юрьевны Гениевой, которая сейчас находится в Испании, – сказал заведующий отделом Религиозной литературы, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук Евгений Рашковский. – Хочу отметить, что эту выставку нужно смотреть несколько раз. Она богата смыслами и заставляет о многом задуматься, в частности, о том, что христианство никогда не бывает без другого человека, без внимания к другому человеку. Я благодарю Свято-Филаретовский институт и наш выставочный отдел, который много сделал, чтобы вписать эти образные и духовные содержания в пространство библиотеки.

– Наш институт, помимо учебной и научной деятельности, занимается организацией выставок такого рода, потому что культурная и духовная жизнь неразрывны, – сказал Александр Копировский, профессор Свято-Филаретовского института, – они должны взаимно проникать друг в друга. Понятия «культура» и «церковь» часто противопоставляют, хотя они должны бы писаться через чер-

точку. Не бывает церкви без культуры – в таком случае это не церковь. А культура без церкви – это дерево без корней, которое либо засохнет, либо не принесет плода. Я сердечно благодарю Библиотеку иностранной литературы за возможность представить выставку здесь, потому что труды Неплюева именно сейчас нуждаются в прочтении и осмыслении.

Экспозиция расположена в холле третьего этажа центрального здания Иностранки, рядом с американским центром. Слышится речь с иностранным акцентом: «Расдавал сфое имущество? Прафославный? Неплюев?» Парадокс в том, что имя Николая Николаевича Неплюева, одного из самых замечательных людей, создавшего дело, которому не было аналогов ни в свое, ни в другое время, – оказалось накрепко забыто.

– Восстановление имени – одна из наших основных задач, – сказала руководитель Музейно-выставочного отдела Культурно-просветительского фонда «Преображение» Светлана Чукавина. – Он ведь действительно не преклонился перед силой факта, не хотел быть статистом в истории, хотел в ней деятельно участвовать, но не насильственно, а используя другие методы: лично отвечая за то, что происходило вокруг него в стране. Все его дело было связано с желанием доказать, что жить по-евангельски – возможно. И он доказал это всей своей жизнью: братство жило и процветало не один десяток лет до тех пор, пока не было физически уничтожено большевиками в конце 1920-х годов.

На выставке во ВГБИЛ представлены новые факты: за последние полтора года у исследователей появились документы и свидетельства, о которых они раньше даже не догадывались. Об этом рассказала преподаватель Свято-Филаретовского института, историк Наталья Игнатович, которая уже много лет занимается изучением материалов Крестовоздвиженского братства. Долгое время оставалось неизвестным, что у Николая Николаевича были последователи и в советское время.

В заключение вечера гости участвовали в круглом столе «Общение и гонение». Такие противоположные на первый взгляд понятия оказались неразрывно связаны. Почему хорошее дело, которое делал Неплюев, практически сразу вызвало неприятие? Почему ему чинили препоны на самых разных уровнях? Почему противление в какое-то время возникло изнутри самого братства, подорвав здоровье Николая Николаевича? Разговор о природе зла требует особого разговора. Собравшиеся говорили, что во времена коллективизации было немало общин – протестантских, толстовских, молоканских, которые делали много хорошего: передавали молоко в детские дома, кормили обез-

доленных, исправно платили налоги, но именно это вызывало у окружающих какую-то особую злобу, которая бывает в те периоды истории, когда «накатывает идеологически оформленное зло». Продолжая эту тему, участники круглого стола говорили, что гонения на христиан продолжаются и по сей день. Как иначе можно прокомментировать факт, что каждые семь минут в мире погибает один христианин, или то, что в исконно христианских странах под флагом политкорректности людям запрещают носить нательные кресты?

Комментарии

Александр Михайлович Копировский, профессор, ученый секретарь Свято-Филаретовского института:

Общее впечатление от выставки – очень яркое. Акцент сделан на стендовых фотографиях и текстах (вещей, помогающих почувствовать атмосферу эпохи, достаточно, но не они в центре внимания). Но несмотря на это возникает ощущение радости, осмысленности, художественности в пространстве, цельности и гармоничности экспозиции. Выставка очень хорошо вписалась в проходной зал, вроде бы не очень удачный для экспозиции. Тема духовного просвещения так и должна представляться – свободно, не скучно, не давяще, не угнетающе.

Неплюев показал реальное и абсолютно адекватное для своего времени воплощение евангельских идеалов – без стилизации под древность и без искажения их в угоду духу времени. Он смог дела Божьего применить и раскрыть все данные ему богатства – и материальные, и духовные. Он всё отдал на общее дело преобразования человека, не стремясь бездумно следовать формуле «...раздайте всё», но размышляя, как это сделать. Ведь можно, к сожалению, использовать даже слова Священного писания, но завести людей в тупик, как те, о ком было сказано «слепые вожди слепых». Деятельность Неплюева – прекрасный пример того, как нужен в этой области прорыв, отход от обыденных, трафаретных представлений о бедности и богатстве, от «бессистемной благотворительности». Можно «ободрать бока», входя в эти узкие врата, но даже тогда нельзя терять ни радости, ни вдохновения, ни молитвы.

Евгений Борисович Рашковский, ректор религиозно-учебного центра ВГБИЛ им. М.И. Рудомино:

Мне кажется, что жизненный путь Николая Николаевича Неплюева, его духовное и творческое наследие – это то, что мы должны знать; и страна должна знать, и весь мир.

Я думаю, что типов христианского служения очень много. Человек может быть и в общине, и в братстве, и в приходе, может быть один, но самое главное, как показал опыт истекших трагических десятилетий (неслучайно мы собрались в годовщину октябрьского путча), – в том, что христианство не бывает без таких людей, как Неплюев.

Текст новости: Елена Кудрявцева, Информационная служба Преображенского братства (печатается в сокращении)

Комментарии собирала Мария Кайкова фото Марии Кайковой

В Кишиневе прошла международная конференция, посвященная памяти преподобного Паисия Величковского

28 ноября Православная церковь совершала память преподобного старца Паисия Величковского (21 декабря 1722 – 15 (28) ноября 1794), архимандрита Нямецкой обители, переводчика святоотеческих трудов, возродившего монашеские традиции исихазма и умной молитвы. В этом году исполняется 290 лет со дня рождения старца, прославленного в лике святых в 1988 году на Поместном соборе Русской православной церкви, а значит, мы вступаем в десятилетие подготовки празднования 300-летия со дня его рождения. Отвечая на вопрос, что необходимо сделать в рамках этого юбилея, митрополит Кишиневский Владимир напомнил, что святой старец объединяет не только два берега реки Прут – Молдову и Румынию, но и Украину, где он родился, и Афон, где он подвизался, а также Россию, где первыми издавались его труды и почиталось его монашеское служение, взрастившее русское старчество в Оптиной, Софрониевой, Глинской пустынях и других монастырях. «Необходимо провести международные конференции, самым серьезным образом изучить его наследие и издать его, восстановить православные святыни, связанные с его именем. Мы должны приложить все усилия, чтобы воздать должное этому великому святому», – сказал митрополит.

Послушавшись этому слову владыки, Свято-Паисиевское малое православное братство провело в Кишиневе 24 ноября международную конференцию на тему «Преподобный Паисий Величковский и его община как пророческое явление в церкви и обществе».

Приглашенные в качестве докладчиков монах Герман (Мудренко), насаельник Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря, и протоиерей Сергей Акируш, настоятель кицканского храма во имя прп. Паисия Величковского, принадлежащего подворью этого монастыря, привезли на конференцию святыню из своей обители – сохранившийся с тех времен посох преподобного старца. Кроме того, было представлено прижизненное издание «Добролюбия» 1793 года, переведенного на славянский язык самим прп. Паисием.

Как отметила в своем приветственном слове представительница Свято-Паисиевского братства Юлия Патракова, осмысление духовного наследия преподобного особенно важно в наши дни, когда люди измучены разобщенностью, всякого рода делениями, неумением понимать и слышать друг друга не только в обществе, но и в церкви. Жизнь прп. Паисия и многонациональной, многочисленной общины его учеников являет пример того, как необходимо объединять усилия всех здоровых сил церкви и общества, преодолевая при этом опасные противопоставления на «своих» и «чужих».

Плодами духовной жизни преподобного стало возрождение монашества. Об этом рассказал в своем докладе монах Герман (Мудренко). По словам докладчика, опыт старца Паисия и его учеников содействовал исправлению разрушительных последствий секуляризации 1764 года в монастырской и общецерковной жизни.

Елена-Алина Патракова Братство во имя прп. Паисия Величковского, Кишинев Более подробно о конференции можно прочитать на сайте Преображенского братства <http://psmb.ru>

В точке бифуркации

В выставочном зале Пермского государственного краеведческого музея (ПГКМ) по благословению митрополита Пермского и Соликамского Мефодия прошла выставка «Неперемолотые: опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке», организованная Культурно-просветительским фондом (КПФ) «Преображение», Пермским и Екатеринбургским отделениями общества «Мемориал», Государственным комитетом по делам архивов Челябинской области и ПГКМ при поддержке Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.

9 ноября в рамках выставки состоялся круглый стол на тему «Утраченные в XX веке церковные и культурные традиции: пути их восстановления». Историки, краеведы, деятели культуры – всего собравшихся в помещении музея было девятнадцать человек – поделились своими размышлениями о возможных путях актуализации в жизни современных людей опыта «неперемолотых» советской системой репрессий новомучеников и исповедников Российских.

Открывая круглый стол, представитель КПФ «Преображение», преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института, кандидат физико-математических наук Максим Зельников отметил, что сегодня опыт новомучеников и исповедников собирается и хранится благодаря усилиям церкви, историков, общества «Мемориал», энтузиастов-краеведов, некоторых деятелей культуры и искусства. Однако, по мнению выступавшего, остается печальный разрыв жизни прежних поколений людей с жизнью наших современников. В связи с этим в центр обсуждения были поставлены следующие вопросы: ради чего жили и за что готовы были отдать свою жизнь исповедники веры? Кто сегодня мог бы принять их эстафету? Какова могла бы быть роль церкви и интеллигенции в практическом усвоении традиции этих героев нашего народа?

Вячеслав Раков, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ПГУ, канд. ист. наук, в своем слове дал яркую характеристику итогов нашей истории. Он обратил внимание участников на то, что есть две истории XX века – внешняя, социальная история, и история духа. Наша духовная история XX века завершается в 1930-е гг., когда церковь на внешнем уровне закончила свое существование, и народ с этим согласился. Эта вина лежит и на нас всех, но большинство из нас об этом не подозревают. У нас был мощный человеческий потенциал, который был бездарно растрачен. Мы пережили антропологическую, духовную катастрофу. Мы перестали рефлексировать, мы перестали спускаться в себя. Большинство неспособно ничего осознать. Мы проиграли, проспали XX век, и поэтому по его мнению, мы – спящая нация. Наша скрытая история – это terra incognita. Мы не принесли покаяния, но пока этого не произойдет, мы не изменимся. Мы возродимся в том случае, если обновимся духовно, если принесем покаяние, если наконец-то увидим, что было в этой «катакомбной» – духовной истории XX столетия. Как отметил Вячеслав Раков, «все решается сейчас, мы в точке бифуркации, как говорят физики». «Я чувствую, что духовное общение не прервалось, – сказал он. – Традиция новомучеников – это та тонкая нить, которая протянута через весь XX век, и в этом смысле церковь не была уничтожена. Не надо смотреть на большинство. Самое главное – та закваска, которая квасит все тесто, самое главное происходит внутри, и в этом плане я оптимист».

Информационная служба Преображенского братства

«Я готов без ропота встретить смерть, прошу лишь о том, чтобы этим ограничились и пощадили остальных»

Исполнилось 140 лет со дня рождения одного из осужденных на «Петроградском процессе»

Юрий Петрович Новицкий родился 10 ноября 1882 года в г. Умани Киевской губернии в семье мирового судьи Петра Михайловича и его жены Пелагеи Дмитриевны – столбовых дворян. В гимназию Юрий Петрович поступил в Киеве, жил там в семье дяди Ореста Михайловича Новицкого, историка церкви. Там и началось его воцерковление: Юрий стал петь и читать на клиросе. В 1908 году, окончив юридический факультет Киевского университета святого Владимира, Юрий Петрович был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства; он был командирован в Германию, Гёттинген, где писал диссертацию по проблемам преступлений против личности. В 1911 году он создаёт «приют для детей ссылокаторжных, которые оставались сиротами», а в 1912 году – «суд по делам малолетних» в Киеве. С 1910 по 1914 год «работал в тюрьме в качестве члена "Патронажа" над заключёнными, учредителем которого являлся». Тогда же участвовал в организации Педагогического музея Киевского учебного округа. С 1913 года – приват-доцент Киевского университета. С 1914 года – приват-доцент Петербургского университета. Затем получил звание профессора. Читал лекции в Политехническом институте, Духовной академии. В университете читал курсы по истории западноевропейского и русского права. К 1922 году закончил большую монографию «История русского уголовного права» (которая была изъята при аресте и утеряна). Собирал деньги в помощь семьям арестованных профессоров и преподавателей, помогал профессору А.Е. Ферсману добиваться их освобождения. Стал организатором и учёным секретарём Петроградского педагогического института социального воспитания дефективного ребёнка, заведовал созданными при этом институте Курсами по защите и охране детства. Под влиянием Ф.М. Достоевского был активным противником смертной казни, сторонником идей христианского социализма.

Когда его друг Л.П. Карсавин весной 1922 года, накануне высылки на «философском» пароходе, прощаясь, сказал: «Юра, подумай ещё раз, поедем. Здесь ничего не будет. Ты погибнешь», – «Здесь моя Родина, я останусь», – ответил Новицкий, по словам его дочери Ксении.

В 1920 году Ю.П. Новицкий принял живое участие в создании Общества православных приходов Петрограда и губернии и единодушно был избран председателем правления. «Я часто ходил в церковь, настоятели меня знали, и я был избран...» – излагал он свою биографию во время судебного процесса. После того как 16 февраля 1922 года ВЦИК принял постановление об «изъятии церковных ценностей» под предлогом «помощи голодающим», Юрий Петрович как председатель Общества православных приходов и профессиональный юрист помогал митрополиту Вениамину вести переговоры с советской властью. Достигнутое «Соглашение об изъятии ценностей из церквей» устанавливало известный контроль со стороны верующих над санкционированным святотатством. Однако кремлёвские правители ставили целью спровоцировать столкновение, которое можно было бы использовать в качестве предлога для решительной борьбы с Церковью.

19 марта 1922 года Ленин пишет секретную инструкцию, которая распространяется не только среди членов центральной власти, но срочно передаётся в местные советы. Инструкция предписывает провести «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства», ибо ситуация «представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»

Изъятие ценностей в церквях Петрограда сопровождалось волнениями народа. Против изъятия церковных ценностей выступали и представители интеллигенции, и рабочие, и крестьяне. В церкви Путиловского завода рабочие не позволили произвести изъятие. В других приходах при появлении советской комиссии ударяли в набат, созывая верующих оказать сопротивление.

Скоро митрополит Вениамин был арестован и помещён в дом предварительного заключения. Кроме него к делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей были привлечены ещё 86 человек.

Сохранилась записка Юрия Петровича, чудом переданная им из камеры смертников. «Дорогая мама. Прими известие с твердостью. Я знаю давно приговор. Что делать? Целую тебя горячо и крепко. Мужайся. Помни об Оксане. Юрий». Его дочери в то время было 14 лет, а ему самому 39.

10 июня 1922 года начался процесс, заседания которого проходили в здании Филармонии. Трибунал заседал меньше месяца и 5 июля 1922 года приговорил к расстрелу десять человек: митрополита Вениамина (Казанского), архимандрита Сергея (Шейна), Ю.П. Новицкого, И.М. Ковшарова, епископа Венедикта, прот. Н.К. Чукова, прот. Л.К. Богоявленского, прот. М.П. Чельцова, Н.Ф. Огнева и Н.А. Елачича. После ходатайств перед ВЦИК о помиловании 3 августа последним шести подсудимым расстрел был заменён на долгосрочные тюремные заключения. Таким образом, смертный приговор остался в силе для четверых осуждённых. Это были митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шейн), Юрий Петрович Новицкий и Иван Михайлович Ковшаров.

Во время процесса Юрий Новицкий вёл себя очень спокойно, ответы его были ясными и чёткими. Сохранилась записка Юрия Петровича, чудом переданная им из камеры смертников: «Дорогая мама. Прими известие с твердостью. Я знаю давно приговор. Что делать? Целую тебя горячо и крепко. Мужайся. Помни об Оксане. Юрий». Его дочери в то время было 14 лет, а ему самому 39.

Не признавая свою вину, он подробно охарактеризовал деятельность руководимого им правления Общества, подчёркивая, что она заключалась в решении церковных вопросов и проблем при-

Юрий Петрович Новицкий

ходского быта. Юрий Петрович пытался принять на себя часть вины, вменяемой прот. Николаю Чукову (будущему митрополиту Григорию), рассчитывая сохранить его жизнь ради нескольких маленьких детей Чукова. В своём заключительном слове вновь заявил о своей невиновности и сказал: «Но если кому-то нужна в этом деле жертва, я готов без ропота встретить смерть, прошу лишь о том, чтобы этим ограничились и пощадили остальных привлечённых. Хотя после меня и останется одна четырнадцатилетняя девочка...» О Новицком и его дочери говорил на суде и защитник М.С. Равич: «Как защитник его, приношу верховному органу рабоче-крестьянской власти последнюю его просьбу: учесть то, что он всю жизнь боролся против смертной казни, что он всю жизнь свою посвятил брошенным чужим детям, а теперь сам ждёт смертной казни и оставляет 14-летнюю дочь без матери круглой сиротой...»

Дочь Новицкого Оксана Георгиевна прожила потом большую и достойную жизнь. Ксения Леонидовна Брянчаннинова заменила девочке мать, вырастила её... Оксана поступила в институт, успешно окончила его и потом работала педагогом, преподавала химию. В архиве Юрия Ивановича Колосова сохранилась грамота, полученная матерью в блокадном Ленинграде.

«На основании итогов олимпиады детского творчества, проведённой в г. Ленинграде на второй год Великой Отечественной войны (март–апрель 1943 г.), за умелое руководство научной работой учащихся в области химии учитель Колосова К.Г., школа 112, награждается грамотой. Заведующий Ленинградским городским отделом народного образования Никитин. Секретарь Ленинградского городского комитета ВЛКСМ Кириллов».

Организовать научные исследования школьников по химии в блокадном Ленинграде – это говорит о многом... Среди учеников Оксаны Георгиевны будут десятки докторов наук, академики...

А в 1922 году 12 августа после отчаянных хлопот Ксении Леонидовне удалось получить разрешение на свидание с женихом. «Начальнику ДПЗ. Петрогубревтрибунал настоящим разрешает свидание гражданкам Брянчанниновой Ксении Леонидовне и Новицкой Ксении Георгиевне с осуждённым Новицким Юрием Петровичем по вторник (т.е. до вторника – ред.), 15 августа».

Но не будет этого свидания... В ночь на 13 августа четверо новомучеников – митрополит Вениамин (Казанский), архимандрит Сергей (Шейн), Юрий Петрович Новицкий и Иван Михайлович Ковшаров были расстреляны, вероятно, на Ржевском полигоне, неподалёку от станции Пороховые по Ириновской железной дороге. А Ксения Леонидовна и четырнадцатилетняя Оксана Георгиевна будут ждать встречи...

Юлия Антипина

«Последнее искушение Христа»

Слово после Вечерни ректора Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова

Когда мы думаем о Христовом Воскресении, мы прекрасно понимаем, чего стоила эта жизнь – жизнь победившая. Мы думаем о том, что без Креста Воскресения нет. Нам мало просто знать слово Христово, Его поучения, Его заповеди, данные ученикам, даже если это заповеди о любви. Нам надо научиться исполнять эти заповеди. Да, действительно, «нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих». «Вы – друзья мои!» – говорит Христос Своим ученикам и апостолам, прошедшим с Ним длинный путь, который был связан для них и с испытаниями, искушениями, и с угрозами, страхами, сомнениями. Христос постоянно учил Своих учеников больше думать о Божеском, а не о человеческом. И это было для них трудно, это им было очень-очень трудно. И нам тоже приходится постоянно возвращаться к этим вещам, потому что мы прекрасно понимаем, как легко заразиться духовным мещанством, как легко заразиться полуправданием, как легко заразиться маловерием, которое не является евангельской верой, подлинной верой православной, христианской верой. Мы с вами хорошо понимаем, что маловерие, недоверие – это не просто некий недостаток или некоторая незрелость человека. Это нечто значительно больше. Это нежелание, приходя к Христу, схватить за собою мосты. Это желание прибавить к тому, что было у тебя хорошего, приятного, доброго, желательного, ещё нечто такое, что как бы получается от помощи Божией.

Мы с вами очень хорошо это понимаем, и, тем не менее, всё время приходится возвращаться к этим мыслям. Вот сейчас снова вспыхнул спор. Спор интересный, особенно тем, что он вспыхивает не первый раз в нашей стране, в нашей церкви, в умах всех хоть как-то мыслящих людей. Это спор относительно фильма Скорсезе «Последнее искушение Христа». Помните, 15 лет назад уже были выступления против этого фильма, правда, очень странные. А ведь это фильм, который стоит смотреть, конечно, понимая при этом, что любое художественное произведение не может быть просто экранизацией Евангелия. Все экранизации Евангелия бездарны – абсолютно все. Я не знаю ни одной хорошей экранизации. А вот художественные произведения на базе Евангелия могут быть даже гениальными. Взять хотя бы знаменитый булгаковский роман «Мастер и Маргарита». То же самое можно сказать и о романе Казандзакиса, экранизированном одним из лучших современных режиссеров Скорсезе. Фильм как раз на эту тему: а может быть, всё-таки лучше сначала устроить свою жизнь лучше – в человеческом счастье, в человеческой любви, в конце концов, смотря из года в год как растут твои прекрасные детки? Почему же нет? Разве так люди не думают до сих пор? Странно, Казандзакис симпатизировал греческим коммунистам (отнюдь не советским), но как раз он и обличал такого рода вещи. Он назвал это дьявольским искушением, последним искушением Христа, точнее, просто последним искушением. В фильме Скорсезе это «Последнее искушение Христа», а сам роман называется «Последнее искушение», но это дело почти не меняет, только чуть-чуть обостряет эмоции людей, которые не хотят понимать сути дела.

Итак, нашлись ревнители, «государственные мужи», которые решили проверить этот фильм на экстремизм. Это впрямь удивительно. В нашей-то стране проверять Скорсезе и Казандзакиса на экстремизм, не проверив прежде всего на экстремизм самих себя – это вообще что-то потрясающее! Это граничит с каким-то крайним цинизмом. Само по себе это свойство отвратительно, но когда оно доходит до крайности, о нем даже трудно говорить. Вот так же у нас проявились горе-ревнители об оскорбляемых чув-

ствах верующих, которые надо защищать государственным законом. Больше уж делать нечего нашему государству, кроме как защищать эти чувства! Но удивительно, почему здоровые церковные люди, как правило, о таких вещах молчат? Только потому, что пятнадцать лет назад синод вместе с патриархом приняли какое-то скороспелое, в угоду дня решение?

Слава Богу, сейчас хоть какие-то люди – и более вменяемые, и менее вменяемые – отвергают саму идею экспертизы на экстремизм фильма Скорсезе. Об этом говорил и Сокуров, и Лунгин, об этом сказал даже наш знаменитый протоиерей Чаплин. Уже за это слава Богу, за 15 лет хоть что-то немножко, кажется, можно надеяться, поменялось или меняется. И все-таки потрясающе, ведь это единственный фильм – не лучший, может быть, фильм Скорсезе, но и совсем не худший – на такую тему, говорящий о проблеме, которая разъедает все христианское человечество, просто разъедает церковь изнутри, говорящий о проблеме, которая является живой иллюстрацией того, как соль может потерять силу, как христианство может маргинализироваться только потому, что христиане потеряли свою духовную пассионарность, превратились в мещан, у которых единственный символ веры: «Бог, дай, дай, да побольше дай», – как говорил он. Виталий Боровой (это он так обыгрывал известные слова из ектеньи, много раз повторяемые во время службы, которые абсолютно всем понятны в отличие от 99 % других фраз на богослужении). К сожалению, это никого не смущает. Это обычное, нормальное умонастроение как в алтарях, так и на клиросах, и в среде народа Божьего. Это нормальное, обычное приходское умонастроение: «Бог, дай, дай, да побольше дай!» А если Он не даёт побольше и побольше, то зачем нам тогда ходить в храм? И вообще, тогда зачем мы христиане? – искренне удивляются адепты такой веры.

Поразительно, что церковь не говорит об этой проблеме. Ведь тут дело не просто в том, что проверка на экстремизм фильма всемирно признанного, всемирно известного режиссера по роману лауреата Международной премии мира является сама по себе вещь смешной и недостойной. Это действительно, как и сказал Сокуров, является нарушением элементарных конституционных прав жителей нашей страны. Это верно. Но это ещё не всё, далеко не всё, что по этому поводу можно и нужно говорить людям верующим и желающим жить по Евангелию, по совести, по-Божески и по-человечески. Самое главное в том, как можно в современных условиях и глобализации, и секуляризации, и массовой культуры, и чего хотите, именно в этих почти что постхристианских условиях жизни исполнить слово Христово, чтобы церковь была царством свободы и любви на деле, а не на словах? Причём любви и к Богу, и к ближнему – ко всякому ближнему, которого пошлет нам Господь, независимо от наших эмоций на эти темы. Как это осуществить, живя в обществе, из которого выйти мы не можем, живя в мире, из которого убежать мы тоже не можем, да и не должны? Можно и нужно «спастись от рода сего развращенного», но нельзя уходить из этого мира. Иначе какая же мы закваска в этом мире? Какой мы для него свет? Кто мы тогда вообще? Зачем тогда нужна Церковь – Новый Израиль, новый Божий Народ? Зачем тогда было сходить Святому Духу на апостолов и на всех далее верующих по слову их? Слава Богу, у нас есть надежда, что церковь наконец-то займется настоящими проблемами своей внутренней жизни и изгонит из своей среды, из себя самой всех лживых духов – духов лицемерия, рабства, несвободы, зависти, ненависти, стяжательства, равнодушия, уныния, гордыни, в том числе и духов клерикализма, которые сейчас душат нашу цер-

ковь, отнимая у неё последние признаки столь необходимой церкви соборности, без которой церковь уже и не совсем Церковь Христова.

Сейчас, в это же время, в последние дни ещё появилось любопытное высказывание одного архиепископа о том, что наших иерархов нужно избирать, потому что так было сто лет назад. Помните, как только наша церковь перестала быть государственной, она сразу что сделала? Она стала избирать своих священников, и, в первую очередь, епископов, несмотря на часто самые экстремальные условия своей внешней жизни. Да, об этом же писал в своё время, в начале XX века, например, Н.Н. Неплюев. Но не всякий может избирать, – писал он. И этот архиепископ тоже говорит: «Что? Епископа будет избирать тот, кто зашел свечку поставить или раз в год зашел на Пасху в храм? Разве такие люди должны избирать епископов?» Конечно, нет! Как правильно говорилось в начале XX века, так и сейчас снова вдруг было открыто произнесено: избирать могут только живые члены общины, а не любой захожанин на приходе. Правда, этот архиепископ сделал под конец странный вывод: «Вот когда большинство – говорит он, – наших приходов станут такими общинами, вот тогда мы и будем избирать наших епископов». Это, конечно, политический ход. И жаль. А ведь очень легко было сделать иной вывод. Мол, давайте подумаем, что нам делать, чтобы люди в церкви стали такими членами общины, чтобы они могли жить в любых обстоятельствах как община, как братство. Ведь без этого нельзя сохранить величайший дар свободы и любви, прежде всего, в самой церкви. А если церковь не будет иметь этого дара в своей чистоте и полноте, то как она может послужить им миру? Что она миру даст? Ибо все остальное у мира сего есть, и иногда даже больше, чем у нас. И ума, и средств у него хватает.

В миру много чего есть, и уничтожать всё это не стоит, не уважать все это богатство мира сего не стоит. Но все-таки в Церкви есть нечто, чего в мире сем никогда не было, нет и никогда не будет. Да, вы сразу скажете: ну, конечно, мы понимаем, мы знаем, что в мире сем нет, скажем, любви к врагам, – и тут вы будете правы. Самое главное, чего в мире сем нет, не было и не будет – это любви к врагам. И ещё много чего к этому можно добавить. По сути дела мир сей не знает настоящей свободы, не знает он и настоящей любви. Он пользуется лишь фрагментами, частичными дарами истинной любви и свободы, но он очень часто хочет большего. Иногда прекраснодушно, нетрезвенно, а иногда очень серьезно. Поэтому в нашем современном жестоком мире вполне можно ожидать, что большая часть людей захочет слушать тех, кто принесет этому миру дар благодати, дар свободы и любви, дар познания истины. Все знают, что «Бог есть Любовь», и все готовы это принять. Проблемы же начинаются тогда, когда мы начинаем прояснять – какая «любовь» есть Бог? Проблемы являются тут как тут, стоит только сказать людям из мира сего, что Бог есть Любовь крестная и воскресная, но воскресная потому, что сначала она крестная, и что Бог есть именно такая Любовь, о чём писали ещё в древности святые отцы. Помните? Вы, конечно, помните, что Бог есть Любовь распинаемая и распинающая, распинающая Самое Себя, для того чтобы дать, подарить всем силу и свет Жизни вечной. Вот как только говорится об этом, людям становится страшно, и они готовы уже от

Бога отказаться, потому что они – рабы страха. И стали они рабами страха ещё до своего рождения, ещё находясь в утробе матери своей. И в самом рождении, и в детстве, и в юности, и в зрелости эти страхи только нагнетаются. И никакие психологи, и психоаналитики, и психиатры этого страха преодолеть не могут.

Нам с вами нужно быть очень чуткими к тем знаменаниям, которые сейчас нам дает время. Нам это должно касаться в первую очередь. Нам нужно думать и о том, как помочь самой церкви исцелиться от страшных язв, которые она наследовала из прежних времен – от XX века, но и от времен ещё более ранних; и о том, как исцелиться людям, которые к Церкви прямого отношения не имеют. Если мы хотим, чтобы «Свет Христов просвещал всех» – как это возвещает церковь – нам нужно очень многое сделать и внутри себя, и вокруг себя, и дальше, дальше. И терять впустую силы и время, разминивать все это на мелочи не стоит. Евангелие должно прозвучать для всех. И тогда придет конец, придет Божий Суд, как Свет миру, как Радость всей Земле. Сейчас апокалипсисом всех пугают, но настоящий христианский апокалипсис – это благовестие радости и света, обо-жения. Человек должен исполнить свое призвание. Человек должен стать снова сыном Божьим, даже Богом, как говорит Христос. Мы часто забываем обо всем этом даже тогда, когда каждую неделю по какой-то своей внутренней потребности, по какому-то внутреннему своему влечению идем в церковное собрание для того, чтобы прославить Христа воскресшего. Но мы забываем, что это значит для нас, что это от нас требует, что мы должны делать, независимо от своего состояния здоровья, возраста, пола, социального положения, имущественного состояния, своей культуры, национальности... Все человеческие различия, как вы хорошо знаете, пред Богом не имеют никакого значения. Это всё – человеческие перегородки, которые до Неба не доходят, точно так же, как перегородки конфессиональные, по словам митрополита Киевского Платона в середине XIX в.

Будем же, дорогие братья и сестры, каждый раз, собираясь на воскресное богослужение в субботу вечером, в воскресенье утром – каждый раз вспоминать о высоте своего призвания, а значит и о своей личной ответственности за исполнение этого призвания. Не будем подавляться величием и сложностью задач. Если Бог с нами, кто против нас? «Все возможно верующему», – говорит нам слово Божие. Не будем забывать этого. И апостол Павел вторит: «Сила Божия в немощи совершается». Не будем бояться своей немощи, своей скудости, своей бедности, своей невключенности во многие современные контексты, своей отсталости от многих мировых процессов. Это не главное. Хорошо бы, чтобы этого не было, но все-таки не в этом счастье. Счастье в Боге! Где Бог, там и центр нашей жизни, все остальное провинциально.

Будем же собираться в общины и в братства для свидетельства о любви и свободе любому человеку, которого Господь нам пошлет как нашего ближнего! Будем утверждаться на этом пути и так всегда прославлять Христа воскресшего! Аминь.

Текст подготовлен к печати пресс-службой братства «Сретение». Здесь печатается в незначительном сокращении. Источник: сайт священника Георгия Кочеткова <http://www.ogkochetkov.ru/>

И культура, и христианство были для него в первую очередь пространством общения

10 декабря исполняется 75 лет со дня рождения академика Сергея Сергеевича Аверинцева – человека, который был не только готов к диалогу Церкви и культуры, но своей личностью, своим научным и поэтическим творчеством это диалог являл. Рождение Аверинцева в безбожной и как будто забывшей о высокой культуре стране подчас кажется просто Божьим чудом. Но пристальный взгляд позволяет увидеть таинственные токи жизни, живую традицию культуры, которые были восприняты им через семью, через узкий круг друзей и единомышленников, через университетскую школу, через заветные книги, отыскиваемые на полках знакомых из «бывших» и в букинистических магазинах. Отвечая на вопрос, кто оказал на него влияние, Сергей Сергеевич восклицал: «Длинный нужен

перечень!» Среди первых он называл своего отца, биолога, «который с гимназических лет помнил наизусть оды Горация по-латыни и с отличным чувством ритма читал их мне, а также со страстью любил дорическую архитектуру», и Вячеслава Иванова, чьи переводы хоровых песен Эхшила он помнил наизусть уже в школьные годы («и даже пробовал читать одноклассникам на перемене, но, разумеется, не имел успеха»).

«Старая культура», пережитая как целое и принятая из рук уходящих поколений с бережностью сыновнего наследства, свободно и естественно привела Аверинцева к христианству. В 1973 году Сергей Сергеевич Аверинцев принял крещение. Но уже за несколько лет до этого события он читал такие лекции и писал такие статьи, которые открывали его слушателям и читателям не только пространство мировой культуры, но и пространство смысла, укорененного в христианском Логосе. Его лекции, статьи и книги не были лобовой пропагандой христианства, но подводили человека к необходимости радикальной переоценки ценностей, убеждали в возможности свободного и творческого движения духа. По свидетельству очевидцев,

каждому слушателю из его лекций сразу становилось ясно, что лектор не просто знает Евангелие и святоотеческую традицию, но сам верит в Бога.

Аверинцев любил повторять, что ценит христианство за его «благословенную сложность», за обилие нюансов, за его «изначальную красоту», и при этом более других чувствовал его принципиальную не-элитарность. Он щедро стремился донести открывавшиеся ему высоты духа и смысла до своих соотечественников. Я помню, как во время одного из своих приездов в Петербург, между заседаниями какой-то важной международной конференции он выкроил время для встречи с нашим Свято-Петровским малым православным братством. Собравшимся на встрече с ним людям, крайне далеким от филологии, он рассказывал о юморе в Священном писании, а потом терпеливо отвечал на наши вопросы: «Может ли христианин умереть от любви?», «В чем смысл христианского брака, если во Христе нет ни мужского пола, ни женского?», «Будет ли в Новом Иерусалиме память о пережитом на земле страдании?» Он удивлялся, что мы к нему обращаем эти вопросы, всячески избегая позиции духовного учителя-

тва, но нас не покидало ощущение, что нам довелось встретиться с человеком исключительным и на вопросы эти он знает ответы.

Отец Георгий Кочетков, которого Аверинцев считал своим духовным отцом, сказал о нем: «Как в редчайших случаях бывает природный абсолютный музыкальный слух, так у Аверинцева был абсолютный мистический слух». Обладая исключительной, пророческой чуткостью к Божьему слову, к Божьему действию в мире, Сергей Сергеевич Аверинцев смог донести это Слово, эту «радостную весть» о свободе, истине, жизни с избытком до миллионов русских (советских) людей, пребывавших во тьме и сени смертной.

Аверинцев легко, красиво, естественно соединил в себе веру и культуру, во многом потому, что и культура, и христианство были для него в первую очередь пространством общения. Неслучайно он так любил строки Вяч. Иванова:

«Свершается церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим...»

Редактор рубрики Юлия Балакшина

Надо сохранить благословенную сложность христианского учения

Это интервью почти пятнадцатилетней давности звучит на удивление актуально

Профессор Аверинцев, Ваше посещение Болгарии ещё раз показывает, что духовные связи между нашими двумя странами не иссякают, несмотря на то, что существуют экономические, политические и другие проблемы. Каким Вы видите настоящее и будущее наших православных стран?

Мне легче увидеть это как задачу для нас, чем как предмет для прогнозирования. Я не знаю, каким будет наше будущее, но мне кажется, что я знаю, в чём состоит наша обязанность. Она принуждает нас делать всё, что в наших силах. Православный мир должен быть более живым, конкретно и действительно осознавать своё единство – и это зависит от нас.

Православие, как вера в самом строгом смысле этого слова и как культурная традиция, – это то, что нас объединяет. Нет надобности быть панславистом, чтобы всерьёз воспринимать очень глубокую и сложную реальность того единства, которое коренится в нашем славянстве.

Какова, по-Вашему, роль православной культуры в будущей объединённой Европе?

У меня нет никакого сомнения, что православию есть что сказать западному миру и что определённые черты православной культуры могут быть всерьёз притягательными, прежде всего для молодых людей. Мне доводилось сталкиваться с тем, что та часть молодёжи, у которой вообще есть религиозные интересы, может очень живо и заинтересованно реагировать на православную Литургию. В настоящий момент повсюду поднимается волна секуляристского безразличия. Существует общая опасность, угрожающая возможности нас услышать и выслушать. Это относится также и к традициям западного христианства. Эта общая угроза мне кажется реальнее, чем все исторические, культурные и, что

более серьёзно, вероучительные различия и расхождения. Необходимы конструктивные решения, конструктивные предложения, и некоторые из них могут быть с нашей стороны. Хорошо известно, как много интереса вызывает в мире, например, православная икона.

Существует и другая проблема в объединяющейся Европе. Как устоять православию перед натиском так называемой массовой культуры и псевдорелигиозных организаций?

Сейчас, когда человек должен сделать своё собственное усилие, чтобы вернуть себе общение с двумя тысячелетиями христианского предания, стало ясно, насколько формулы, положения, вероучительные тезисы, которые казались простыми, элементарными, – сложны и неожиданны. Как рисунок ключа, который точно подобран к замку и повторяет его очертания...

Это очень серьёзный вопрос. Он стоит перед всей культурой как таковой. Запад тоже близок к тому, чтобы потерять свою идентичность. Очень важным мне кажется сохранение благословенной сложности христианского учения и православного богословия, православного взгляда на мир. Христианство открыто самым простым душам, оно менее всего элитарно, но при этом очень сложно, поэтому определённый шанс на успех имеют сейчас самые варварские псевдорелигии. Из традиционных

религий новые силы, новые шансы приобретает ислам. Это все религии упрощающие, дающие простые (в негативном смысле), как бы одноклеточные, однолинейные ответы на жизненные вопросы. В протестантизме больше упрощения по сравнению с древними преданиями, в неопротестантизме больше упрощения, чем в старых формах протестантизма, а те религии, которые уже нельзя назвать христианскими, упрощают ещё больше. Именно здесь, в Софии, мне пришёл в голову этот пример, когда я слушал о судьбе старых храмов, которые во время турецкого рабства были превращены в мечети; при этом их абсиды разрушались. Мне это показалось очень символично: прямоугольник, который дополнен абсидой как геометрический символ христианства и упрощающее желание мусульман обрубить абсиду, оставив только прямые углы.

Целый ряд головокружительно сложных, ювелирно-точных вероучительных моментов из столетия в столетия были для христиан настолько привычными, что казались простыми, а затем, когда пришли интеллектуальные претензии Просвещения и последующего за ним секуляристского просвещения, то они показались наивной верой угольщиков. А сейчас, когда разорвана автоматичность наследования типичной религиозной культуры, когда человек должен сделать своё собственное усилие, чтобы вернуть себе общение с двумя тысячелетиями христианского предания, стало ясно, насколько эти определённого рода формулы, положения, вероучительные тезисы, которые казались простыми, элементарными, – сложны и неожиданны. Как рисунок ключа, который точно подобран к замку и повторяет его очертания: если есть расхождение хоть на миллиметр, то ключ уже не может функционировать.

В настоящее время каждый может свободно жить со своей верой. В то же время получается так, что люди отделяют эту веру от

остальной части своей жизни. Это так называемое «воскресное православие». Что нужно сделать для того, чтобы собрать воедино эти две половины человеческого жизни, чтобы христианская жизнь стала основой всего?

Этот вопрос очень точно поставлен. Каждый из нас сталкивался с подобной проблемой. И едва ли кто-нибудь из нас посмеет сказать, что он нашёл её решение, хотя бы лично для себя. В сущности, этот вопрос, который возникает особенно остро в секуляристскую эпоху, существовал во все времена. Когда первые отцы-отшельники уходили в пустыню, они делали это, чтобы избежать раздвоения. И другие святые в каждое христианское столетие великими усилиями и трудами, подвигом достигали того же, при этом оставаясь в миру и помогая людям вокруг себя. Это вопрос вопросов. Но ответа надо искать не у умников, а у святых, которые однажды в собственной своей жизни решили этот вопрос.

Ответы могут быть очень конкретными. И они неизбежно должны вмещать в себя широчайший диапазон мер – от самых известных за два тысячелетия моментов аскетической традиции до неожиданных решений, связанных с современностью.

Полина Георгиева
(Русский текст интервью опубликован: Россия сегодня. София, 1998. 20–22 ноября; в болгарском переводе: Църковен вестник, София, 1998, 1–15 декабря.)

Невероятный риск

Интервью с протоиереем Павлом Великановым, главным редактором научного богословского портала «Богослов.Ru», проректором МДА по научно-богословской работе

Начало на с. 1

Иногда через произведения культуры звучало даже прощальное слово – достаточно вспомнить «Бесов»...

На сегодняшний момент ситуация принципиально изменилась. Но в нашем сознании есть ещё много таких комплексов, связанных с областью культуры, которые не позволяют нам вступать в полноценный плодотворный диалог с её деятелями. (Мы пока говорим только о проблемах с нашей, внутренней, стороны.)

И последнее, что я отметил бы, – то, что на самом деле у нас нет адекватных площадок для ведения диалога. Естественно, мы не можем вести диалог на площадках внешних, на площадках самих представителей культуры, потому что мы подсознательно воспринимаем эти площадки как враждебную территорию. Естественно, и они не придут к нам, потому что точно так же будут воспринимать нас как пространство, даже более открыто враждебно настроенное и агрессивно выражающее себя по отношению к нам. А других площадок у нас просто нет.

До сих пор вынашивается идея создания светских культурно-просветительских центров, которые не были бы юрисдикционно зависимы от церкви, не были бы финансируемы со стороны государства, каких-нибудь муниципальных, федеральных образований, но при этом целиком окормлялись и направлялись бы представителями церкви. На мой взгляд, это наиболее эффективный способ создания правильной среды, в которой только и может вестись диалог.

Почему я это говорю? Потому что в рамках нашего портала «Богослов.Ru» мы с самого начала поставили задачу создать обстановку – начиная с дизайна и заканчивая редакционной политикой, – которая не напрягала и не раздражала бы как человека глубоко воцерковленного и погруженного в церковную науку, богословие, так и совершенно светского специалиста, который вообще ничего о церкви не знает и которого всё церковное скорее раздражает, чем вдохновляет. И, как показало время, для многих светских людей «Богослов» стал в целом приемлемой площадкой, на которой они могут выражать свое мнение – при том, что могут не соглашаться, спорить и т. д. На мой взгляд, создание таких площадок целиком оправдано и должно стать приоритетом. Причём не для того, чтобы устраивать глобальные встречи, диспуты, дискуссии – мы до этого ещё совершенно не доросли – а для того, чтобы молодёжь (которую мы должны прежде всего воспитывать) выростала в несколько обновлённой парадигме: человек церковный может быть ещё и высококультурным, причём не только внутри церковной ограды, но и во внешней среде. Он может, не теряя своей высокой духовности и церковности, быть при этом действительно интересным для внешних, нецерковных деятелей культуры.

Сейчас в нашем приходе, где я служу, образовался творческий союз молодёжи: иконописец, который помимо своего основного дела занимается графикой, выпускник Лингвистического университета (он занимается литературным творчеством, пишет стихи) и ещё несколько молодых людей разной степени воцерковлённости. Они объединились в творческое объединение «Квадрат», стали устраивать в городе выставки, и тут мы с удивлением поняли, что это одинаково интересно как людям церковным, так и нецерковным. Причём тематика выставок отчасти связана с богословскими и философскими вещами, отчасти нет. Например, последняя выставка называлась «Чёрное и белое». Эту тему можно так развивать в богословском плане, что появляется возможность говорить о чём

удобно. Выставка оказалась эффективной, резонансной, интересной. И я думаю, что это то самое правильное направление, которое позволит нам уйти от политики «оголтелого миссионерства», которым, к сожалению, сейчас многие очень заражены, – а ведь из-за неё постепенно, понемногу, шаг за шагом те территории, которые вполне законно считались местом деятельности и присутствия церкви, оказались от церкви отчуждены. Потому что мир сейчас очень болезненно реагирует на церковь, когда она пытается использовать светский инструментальный информационный противодействие для ведения какой-то идеологической войны и этот инструментальный обращает против самого мира. Ведь подсознательно этот мир чувствует, что по сути это неправильно, есть другие инструменты, не столь внешне эффективные, но гораздо более эффективные по сути, по силе своего воздействия.

Вы предпринимаете серьёзные усилия для развития диалога церкви и культуры. Изменилось ли Ваше видение тех проблем, которые есть со стороны церкви, и тех проблем, которые есть со стороны современной культуры, после того как Вы попробовали достичь какой-то возможности разговора между ними?

Я отвечу на примере нашего знакомства с Борисом Гребенчиковым. Я никогда не был каким-то особенным поклонником его творчества, скажу честно. Да, слушал, у него много интересной музыки. Когда он приехал к нам, когда он искренне молился в храмах Троице-Сергиевой Лавры – с каким чувством он говорил, какая здесь благодать чувствуется! – во время его концерта, во время этой беседы до меня вдруг дошло с полной очевидностью, что для него музыка является своего рода молитвой. Исполняя свои произведения, он действительно молится. Не знаю, принимает ли такую его молитву Господь, – уверен, что если и принимает, то далеко не все такие обращения, – но если воспользоваться терминологией Мирчи Элиаде, «иерофанция» налицо. Может быть, кому-то это покажется кощунством. У него есть всякие произведения, в том числе с нецензурными выражениями и т. д. Но если брать слой самый высокий, благородный, для него это действительно молитва, во всяком случае, очевидная форма духовного делания. И ещё: после нашей встречи его реакция на какие-то общественные провокации была уже иной, чем приходилось наблюдать до того.

Через месяц после нашей встречи он поехал паломничать на св. гору Афон и имел достаточно продолжительные беседы с игуменом Ватопедского монастыря о. Ефремом, участвовал в таинствах. Недавно он снова общался с семинаристами и давал такой же концерт, как у нас, в Хабаровской духовной семинарии. И, как рассказывают, прямо со сцены сказал: «Кто администратор этого заведения? Сейчас придут семинаристы, освободите передние ряды. И пусть их бесплатно пропустят и самые лучшие места дадут». Когда он вернулся из поездки на Афон, то в одной из бесед сказал: «Я теперь понял, чего именно мне не хватало раньше в православии». Понимаете? Он увидел некое другое измерение православия, которое, я надеюсь, многие акценты в его жизни расставило по-другому. То есть когда он посмотрел на эту внутреннюю живую монашескую традицию и увидел, что это не фарс, не игра, не шоу для внешних, а действительно реальная, сокровенная жизнь, то его отношение к церкви, надеюсь, претерпело некоторое развитие, некоторое существенное преобразование.

Для меня все эти знаки говорят только одно: когда мы искренне открываемся

и перестаём осуждать внутри себя людей, то шансы, что они увидят то православие, которого им очень сильно не хватает, значительно повышаются.

Я думаю, самое основное, самое главное, чему следует учиться всем, и мне самому, – это готовность рисковать. Ведь если бы Господь наверняка знал, что когда Он придёт, Его примет всего лишь один человек, Он всё равно бы пришёл. Я думаю, мы недооцениваем эти слова, потому что евангелие – это совершенно невероятный риск, и на этот риск надо идти. Если мы оставили 99 не заблудших овец и идём искать одну заблудшую, это говорит о том, что мы этих 99 овец подвергаем совершенно невероятной опасности – ведь они в этот момент остаются без пастыря! И мы иногда этим себя оправдываем: да ладно, Бог с этой одной овцой. Пусть она погибнет, зато остальные будут сохранены. И я могу предположить – это моё личное, частное мнение, – что нам сейчас в церковной жизни не хватает какой-то внутренней решимости, внутренней смелости. Мы должны искать новые формы, мы должны пытаться находить тот язык, на котором не просто будем говорить то, что мы хотим сказать, а на котором нас будут слышать люди. А они будут слышать то, что нормально ложится в их сознание, входит в их уши, а не является тем, что один из блогеров как-то назвал «церковнославянской феней». Это совершенно не значит, что я поборник перевода богослужения и Священного писания на русский язык. У меня своё мнение по этим вопросам, я не являюсь сторонником богослужения на русском языке, но всё это на самом деле – звенья одной цепи. Как только мы начинаем говорить о том, что церкви не надо пытаться искать правильный формат своего диалога с обществом, то, естественно, тем более мы никогда не будем говорить о том, что надо сделать для того, чтобы богослужение стало понятным, прозрачным, захватывающим и вдохновляющим людей.

Когда Вы сейчас говорили о рисках, я подумала, что, может быть, такая боязливость, такая замкнутость на себя во многом связана с тем, что сейчас подавляющее большинство членов церкви в глубине души себя чувствуют не слишком укоренёнными в традиции? Ведь многие из нас пришли в церковь из неверующих семей, за советские годы традиция была прервана. Как это преодолевать?

То, что Вы говорите, очень правильно. Но эта проблема возникает только тогда, когда мы начинаем корчить из себя таких ультра-консервативно-«православнущих» до мозга костей людей. Не надо из себя никого корчить, надо просто быть теми, какие мы есть. Давайте прямо скажем: мы все недоцерковлённые люди. И что? Давайте теперь на всех углах деканонизировать, анафематствовать, предавать отлучению? Воцерковлённость – это не диагноз. Это задача, а мы хотим сделать её диагнозом. В этом, я думаю, наша глобальная ошибка. Воцерковлённость – это призвание для человека.

Мне кажется, скорее это то, что позволяет спокойно разговаривать с другим, не боясь потерять свою идентичность. И здесь, возможно, выход из тех проблем, о которых Вы говорили.

Апостол Павел ведь не боялся потерять свою идентичность, когда разговаривал с иудеями как иудей, с язычниками как язычник...

Ну да, он чувствовал, что есть то, что он не может потерять, я так думаю, поэтому он и мог говорить со всеми на их языке. В нём было то, что он не боялся в глубине души утратить...

И это Христос. Если мы говорим, что мы, православные христиане, являемся свидетелями Христовыми здесь и сейчас, то значит, если мы боимся, то мы не это боимся потерять, а что-то другое. Мы боимся потерять «православную стилистику», понимая, что мы в силу многих причин в неё не очень вписываемся – может быть, в силу воспитания, в силу других «культурных кодов», как сейчас говорят. Мы не совсем, не во всей полноте можем себя идентифицировать на сто процентов с человеком традиционной православной культуры. Но мне кажется, что всё это ерунда. Почему? Потому что православие и вообще вся церковная жизнь, вся полноценная, нормальная, здоровая жизнь всегда очень разнообразна и полифонична. И Церковь тем и сильна, что её ворота открыты одинаково и для интеллигентных людей, и для совершенно необразованных, и для культурных, и для некультурных, невоспитанных. Потому что все объединяются, слава Богу, не вокруг созданной или воссозданной православной культурной традиции, а вокруг Христа. А культурная традиция – это своего рода среда обитания, в которой существуют те люди, которые идут за Христом. И если эти среды обитания отличаются друг от друга, то это прекрасно, это замечательно. А вот пытаться навязать какую-то конкретную среду обитания всякому приходящему в Церковь – это, на мой взгляд, огромная ошибка, потому что для Бога бесконечно значима и бесконечно ценна та исключительность каждого человека, которая выражается и в том, где он родился и от кого, как он был воспитан, с какими ценностями развивался, какой выбор внутри себя делал. Но просто брать некое универсальное бревно и всех ломать об это жёсткое как-бы-православное колено – я думаю, это совсем не по-Божьему. По-Божьему же – создавать такие максимально комфортные условия, чтобы то лучшее, что есть в каждом человеке, могло развиваться и раскрыться как самый дорогой, драгоценный цветок. А всё худшее при этом естественным путём отваливается как шелуха, отпадает и, в общем-то, не имеет никакого значения.

Беседовала Александра Колымагина. Беседа состоялась на фестивале православных СМИ «Вера и слово» 30 октября.

Жизнь Церкви в церкви

В издательском доме «Новости мира» вышла очередная книга из серии «Жизнь во благо»: «Духовное наследие священномученика архиепископа Иннокентия (Тихонова)». Это уже вторая книга петербургского автора Сергея Зегжды, изданная в Набережных Челнах. С предыдущим его трудом – «Александро-Невское братство» – мы знакомили читателей ранее.

Во вступительном слове митрополит Волгоградский и Камышинский Герман вспоминает о том, как в 1950 году он служил алтарником у митрополита Гурия (Егорова), основавшего вместе со своим братом Львом и Иннокентием (Тихоновым) в 1918 году в Петрограде Александро-Невское братство. Почти все руководители и священнослужители братства погибли во время советских репрессий, но благодаря митрополиту Гурию и братчикам сохранился архив братства, который содержит не только письма и воспоминания его членов, но и некоторые их труды.

В нынешнем издании опубликованы четыре работы архиепископа Иннокентия. Одна из них описывает, как в Александро-Невском братстве по благословению митрополита Вениамина был составлен особый чин моления о святых иконах, имевший целью обновить в памяти верующих благоговейное отношение к домашним иконам. Архиепископ Иннокентий рассказывает, что на богослужение приглашали всех прихожан митрополичьей Крестовой церкви Александро-Невского братства независимо от того, были они членами братства или нет, а также их родных и знакомых. В итоге произошло радостное и благодатное моление, с принесением из дома самых чтимых семейных икон: «Впечатление от совершенного моления и священнодействия было сильное и радостное. На глазах многих были слезы. Благодарили и с умилением уносили себе в дом свою икону, свою святыню, вновь облагодатствованную и принявшую поклонение от Церкви. И потом долго и с восхищением вспоминали пережитое». Это богослужение состоялось в феврале 1922 года, а через три месяца произошел первый разгром братства: все его руководители были арестованы и отправлены в ссылку, краткий период легального существования братства в советском государстве подходил к концу.

Вторая работа – популярно-литургический очерк «Таинство Духа в Троицын день» – написана в 1930 году, во время ссылки. Рукопись вдохновенного текста об Утешителе и Подателе жизни уцелела благодаря усилиям братчиков, в книге можно увидеть изображение этих небольших листочков с почерком владыки Иннокентия. Также в книге есть статьи «Невеста Невестная» о словах архангела Гавриила к Богородице и «Умовение Великого четвертка как всеобъемлющее священнодействие» о том, как важно во время гонений утешать и вдохновлять паству, в том числе и через этот удивительный по своей силе чин богослужения.

Целостное знакомство с наследием архиепископа Иннокентия показывает, что всё им написанное было связано с основной целью – помочь верующим не только не унывать от происходящего в стране, но наоборот, как можно глубже входить в церковную традицию, укрепляться в вере и помогать в этом другим. Больше же всего он просит своих братьев и сестер ценить братство. «Удаленный от непосредственного общения с благодатной братской семьей, – пишет он из ссылки, – я теперь еще глубже понимаю, какое значение она имеет. И скажу вам еще раз, хотя и говорил это тысячу раз: Братство есть старая, но забытая и обновляемая форма жизни. Оно есть жизнь Церкви в церкви, которая не есть какое-то внешнее учреждение, но напротив, семья наша, истинное единение наше во Христе».

Анастасия Наконечная

Вестник духа и смысла

Начало на с. 1

В Доме Русского Зарубежья состоялась конференция, посвященная девяностолетию издательства «ИМКА-Пресс» и выходу двухсотого номера журнала «Вестник РХД»

Н.Д. Солзеницына и священник Георгий Кочетков

Наталья Солзеницына рассказала, как вечерами перепечатывала на машинке Пастернака, Цветаеву, – и таких людей, сохранявших русскую культуру, было немало.

«В начале 1960-х годов к нашему самиздату стал добавляться тамиздат, – сказала она о знакомстве с «ИМКА-Пресс» и «Вестником РСХД». – Мы поняли, что «на том берегу» продолжалась напряженная интеллектуальная и духовная жизнь и что с революцией расцвет русской религиозной философии начала века не прервался, а принес в изгнании невиданные плоды, которые от нас прятали. У меня не было ни знания, ни предчувствия, что цветет такая пышная отрубленная от России ветвь русской культуры».

Продолжая слова Натальи Дмитриевны, ректор Свято-Филаретовского института профессор священник Георгий Кочетков сказал, что опыт русской эмиграции первой волны и жизнь в Советском Союзе, – это даже не две ветви, а два разных мира. Он напомнил о радикальном разрыве в церковной традиции и культуре, который произошел в России в XX веке.

«Мы чувствовали, что через «Вестник» открывается какой-то другой мир, – сказал отец Георгий, вспоминая свое знакомство с журналом в 1970-е годы. –

Здесь культура и духовное творчество обретали какие-то новые краски, не было границы между церковью и культурой, богословием и практической церковной жизнью. Это дух, который нужно воспринять и восполнить».

Зарубежный и постсоветский мир не могут существовать сами по себе, убежден отец Георгий. Опыт пострадавших в России новомучеников и исповедников внутренне связан с традицией Поместного собора 1917–18 года, с зарубежной русской культурой и религиозной мыслью XX века. И пока весь этот опыт, имеющий мировое значение, не воспринят церковью, она не может двигаться дальше.

Антуан Нивьер, доктор наук, профессор Университета Лотарингии (Франция) рассказал об истории УМСА и РСХД, опираясь на воспоминания и архивы митрополита Евлогия (Георгиевского). Также он показал участникам конференции фильм о движении УМСА и первых съездах РСХД. В кадрах кинохроники и на фотографиях перед зрителями предстали митрополит Евлогий, епископ

Кассиан (Безобразов), Николай Бердяев, монахиня Мария (Скобцова).

Доцент Университета Париж-Дидро (Франция) Даниил Струве представил выходящий с 1958 года журнал «Messenger Orthodoxe» – французский аналог «Вестника».

Также выступили председатель РСХД Кирилл Соллогуб, д-р ист. наук Сергей Бычков, поэт и переводчик, канд. филол. наук Ольга Седакова, священник Владимир Зелинский, доцент исторического факультета Северо-Западного колледжа (США) Мэт Миллер и другие. Конференция завершилась круглым столом, посвященным матери Марии (Скобцовой) и одному из основателей «Вестника РХД», недавно прославленному мученику Ивану Лаговскому.

Издатели рассказали, что первые 100 номеров «Вестника РХД» в настоящее время оцифрованы и доступны на сайте издательства «Русский путь».

Софья Андросенко
Информационная служба СФИ

Ретроспективная выставка изданий «ИМКА-Пресс» в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье»

Что значил и значит для вас Вестник РХД?

Священник Георгий Кочетков: «Вестник РСХД» (или «Вестник РХД», как он позже стал называться) для меня – знаковый журнал, потому что самые важные научно-богословские произведения, прежде всего связанные с экклезиологией, опубликованы именно в нём*.

Вестник всегда очень быстро откликался и никогда не вводил цензуру, он просто оценивал произведение в целом, и если оно подходило, то печатал. То, что все эти мои статьи в разные годы были напечатаны в «Вестнике», для меня очень важно, ведь благодаря этому прочитать их и выразить свое отношение к ним, свое мнение в связи с высказанными там мыслями могут самые разные люди в разных странах. «Вестник» необыкновенно открыт ко всему новому, творческому, пусть иногда даже спорному – и важно, что это никого не пугает. И я думаю, что то дерзновение и тот живой интерес, который редактор журнала, Никита Алексеевич Струве, проявляет ко всему, что происходит в церкви, как за рубежом, так и в России, – это уникальное, беспрецедентное явление, за которое можно благодарить Бога и всех тех, кто совершает всю эту работу.

Даниил Струве: «Вестник РХД» для меня – это семейное дело. Отец занимался этим, журнал готовился дома, и, сколько я помню, он был всегда. Мне объективно трудно сказать о «Вестнике», поскольку трудно отделить «Вестник» от себя.

Сейчас появился Интернет, и печатная пресса уже не играет той роли в нашей жизни. Информация приходит больше через другие каналы. Но, мне кажется, ни в одном канале, и даже ни в одном печатном издании сейчас нет ничего эквивалентного «Вестнику». Не существует похожих изданий. До сих пор, когда открываешь этот журнал, узнаешь его особый тон, его подход, одновременно достаточно строгий, но вместе с тем свободный, критический, без позы. Он всегда отличается разнообразием материалов. Тут и литература, и богословие, архивные публикации и актуальные вопросы, стихи. Причем богословие бывает не отвлеченно-школьное, а обращенное к читателю и живое. Такого сочетания православия и культуры, мне кажется, сейчас нигде нет, и, в общем-то, попыток выстроить его не предпринимается. А жаль.

* Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви (под псевдонимом Н. Герасимов) // Вестник РХД. 1979. № 128; Священство православных и баптистов (под псевдонимом С. Т. Богданов) // Вестник РХД. 1983. № 140; Иерей Георгий Кочетков. Книга о Николае Афанасьеве «Служение мирян в Церкви» и современность. // Вестник РХД. 1997. №176; Иерей Георгий Кочетков. Таинство веры в Церковь // Вестник РХД. 2012. №200.

«Виновным себя не признал, участие в собраниях и религиозных обрядах не отрицал»

Исполнилось 75 лет со дня мученической кончины иеромонаха Феофана (Адаменко)

Василий Иванович Адаменко родился в 1885 году в станице Попутная Краснодарского края. Он был сыном бедного кубанского казака, окончил одноклассное училище. Уже в юношеском возрасте обращал на себя внимание своим красноречием и желанием свидетельствовать о Христе. Его заметил местный священник и порекомендовал отправиться в Одессу. Так в 1909 году Василий оказался книгоношей при Одесской епархии и одновременно учился на курсах противосектантских миссионеров. С 1910 года служил псаломщиком.

13 марта 1916 года он был рукоположен в диаконы, ровно через год – в священники. В конце июля 1917 года о. Василий Адаменко возбудил ходатайство перед епископом Екатеринодарским и Кубанским о переводе его из Одессы на родину. В сентябре 1917 года о. Василий Адаменко был назначен священником-проповедником в г. Екатеринодаре,

где стал активно заниматься миссией. Опыт миссионерской деятельности привел его к пониманию необходимости перевода богослужения на русский язык. Впоследствии он воплотил это, служа в Нижнем Новгороде.

После революции 1917 года пережил неоднократные аресты, тюрьмы, ссылки. В 1919 году он был арестован и направлен в Нижний Новгород в исправительный дом. После освобождения работал в Сормове. В эти годы становятся популярны диспуты о вере и религии; отец Василий Адаменко неоднократно участвовал в таких диспутах. В 1920 году он вернулся в Екатеринодар, служил там священником-миссионером. 11 декабря 1920 года вновь арестован и по решению КубчерЧК направлен в Ростов-на-Дону. Ходатайства прихожан о. Василия об его освобождении под поручительство ни к чему не привели. 22 апреля 1921 года о. Василия Адаменко осудило Полномочное Представительство (ПП) ВЧК на Кавказе к 3 годам ссылки.

После освобождения в 1924 году отец Василий вернулся в Нижний Новгород и стал служить в храме Ильи пророка на Ильинской улице. В этом же году от него уходит жена, забрав с собой шестерых детей. После этого о. Василий принимает монашеский постриг с именем Феофан и направляет все силы на созидание общинной жизни в Ильинском храме.

Его проповедь привлекала в храм множество людей, в том числе много молодежи. Однако иером. Феофан (Адаменко) видел, что слово Божие и православное богослужение остаются непонятными большинству людей: душа участвует в молитве, а ум остается без плода. В миссионерских целях он начал переводить богослужение на русский язык. Вскоре в храме образовалась община, члены которой поддерживали своего духовного отца в его служении.

В храме у о. Феофана все было подчинено строгому благочестию, в алтаре были запрещены все разговоры, из алтаря и ризницы убраны все зеркала, которых он не только в храме, но и в доме не держал. Он был очень нестяжатель и не брал за требы денег. Его духовные чада строго постились в установленные церковным уставом дни, и часто он благословлял кого-нибудь из молодежи проповедовать в храме. Наряду с переводами богослужения в храме была введена общая исповедь, ежедневное богослужение и еженедельное причастие. Часто практиковались ночные богослужения. В целях большей включенности верующих в богослужение иеромонах Феофан (Адаменко) все тайные молитвы читал вслух; литургия служилась с открытыми Царскими вратами, песнопения пел весь храм.

Окончание на с. 2-3

Пять слов

Алтарник одного из московских храмов размышляет о проблемах перевода богослужения

Лучше скажу пять слов понятных, чтобы наставить других, чем тысячи на непонятном языке (1 Кор 14:19)

«Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?» (1 Кор 14:23). Эти слова исполнились на мне буквально. Храм рядом со мной в советское время не закрывали. Почти каждый день со школьными друзьями мы ходили гулять на Воробьевы горы

и иногда со страхом (потому что пионерам и комсомольцам нельзя) и любопытством заглядывали внутрь. Даже читаемое громким голосом абсолютно не доходило до сознания, поскольку удавалось проникнуть в смысл лишь немногих отдельных слов. Хотя, как к любому запретному, интерес был. Но отталкивала эта атмосфера фальши. В результате – более 20 лет, проведенных без Бога, и «подвиги», о которых теперь страшно и подумать.

Окончание на с. 4

«Виновным себя не признал, участие в собраниях и религиозных обрядах не отрицал»

Иеромонах Феофан (Адаменко) при участии и поддержке членов общины сделал ряд переводов богослужения на русский язык: Служебник, сборник суточных церковных служб, Требник. Переводы пробавались на пение, многократно обсуждались и изменялись. Многие первоначальные варианты отбрасывались. Иногда возвращались к словам славянского текста: «одесную Отца», «воспряни» и др. Переписка, перепечатка, редакционная и издательская работы осуществлялись членами общины. Печатали в тюремной типографии. Члены общины вели корректорскую работу и иногда участвовали в наборе текста.

Он успел издать переводы трех Литургий, Всенощного бдения, Требника, ряда молитвословий Троицы и Минеи. В рукописях остались переводы большого числа служб (почти целиком была переведена служебная минея с апреля по июнь), акафистов, последований архиерейского богослужения. Местонахождение этих богослужебных переводов неизвестно.

Переводческую деятельность иеромонаха Феофана (Адаменко) многие связывают с его участием в обновленческом расколе. Действительно, на протяжении около десяти лет он примыкал к обновленцам. В обновленчестве он поначалу видел возможности к обновлению церковной жизни. Впоследствии он был разочарован моральным обликом большинства обновленцев и их равнодушием к церкви. После этого он стал избегать служить Евхаристию с другими обновленческими священниками, а сослужить лишь на всенощных.

Биографы иеромонаха Феофана (Адаменко) подчеркивают, что его принадлежность к обновленческому движению была формальной и он, по мере возможности, дистанцировался от обновленческих лидеров. Документы показывают, что это не совсем так: отец Феофан (Адаменко) принимал участие в официальных обновленческих мероприятиях. Однако, несомненно, его участие в обновленческом движении было связано со стремлением узаконить русское богослужение.

Одним из свидетельств этого является обращение общины о. Феофана (Адаменко) к патриарху Тихону, митрополиту Евдокиму (Мещерскому) и епископу Антонину (Грановскому), зачитанное на съезде обновленческого

Церковь св. пророка Божия Илии в Нижнем Новгороде, где служил иеромонах Феофан (Адаменко)

Союза церковного возрождения: «Дайте нам на родном наречии общественную и частную молитву и богослужение, разумность и осмысленность в пении и чтении, чтобы одними устами и одним сердцем мы прославляли и воспевали всечтимое и великолепное имя Отца, Сына и Св. Духа – Бога».

Примечательно, что богослужебные реформы иеромонаха Феофана (Адаменко) вызвали раздражение обновленческих лидеров. Действительно, обновленцы заявляли о необходимости переводов богослужения на понятный язык и других литургических реформах, однако на деле это оказалось лишь громкими лозунгами. Реальная же церковная деятельность вызвала гонения с их стороны. В частности, обновленческий лидер Александр Введенский пытался добиться ликвидации общины. Побывав в храме о. Феофана, он заявил: «Хватит нам этой эндэковщины и адаменковщины» (обновленческий священник Александр Эндэка служил в храме на Лубянской площади, в 1929 году расстрелян «за спекуляцию» – он организовал мастерскую, в которой делались крестики). Вскоре Введенский послал своего епископа для ревизии и удаления о. Феофана из храма. Поначалу приехал епископ Александр Лавров, но, познакомившись с о. Феофаном и побывав на богослужении, отказался расправляться со священником, за что в наказание был переведен Введенским в Вологду. На смену епископу Алексан-

дру был прислан митрополит Иерофей Померанцев, которому также было поручено ликвидировать общину, о чем он при отъезде сказал: «Мне поручено было вас разогнать, но я не мог этого сделать, так как мне понравилось ваше уставное богослужение на русском языке».

После него приехал митрополит Иоанн Миртов, который договорился с НКВД об образе действий. Отец Феофан стал готовиться к аресту.

В 1930 году община отца Феофана (Адаменко) воссоединилась с патриаршей церковью. В «Журнале Московской Патриархии» за 1931 год было напечатано постановление «О принятии в общение со Святой Церковью и о допущении русского языка в церковном Богослужении» от 10 апреля 1930 г. за № 69.

О принятии в общение со Святой Церковью и о допущении русского языка в церковном богослужении (от 10 апреля 1930 года за № 69)

Слушали: Прошение представителей общины о принятии ее в общение с Православной Церковью под условием разрешения совершать богослужение на русском языке и просьбой ответить, в каком порядке происходит принятие в Церковь обращающихся.

Постановили: Предоставить Преосвященному объяснить просителям:

1. что первое и непременно условие принятия в общение со Святой Церковью есть твердое сознание обращаю-

щимся всей пагубности пребывания вне Церкви и искреннее раскаяние во грехе раскола (грехе, по учению святых отцов, не смыаемом ни аскетическими подвигами, ни даже мученической кровью), отсюда – вседушное желание лучше до конца дней своих «быть прахом в Доме Божиим», всеми попраемым, чем оставаться «в селениях грешников». Приходящих с такою верою и настроением Святая Церковь никогда не отринет и упокоит.

2. Что обычный порядок принятия в общине целой общины таков: архиереем посылается в качестве его представителя кто-либо из священников для совершения в храме присоединяемой общины малого освящения; после сего настоятель присоединяемой общины произносит пред представителем архиерея публично покаянное исповедание от себя и от общины с отречением от раскола (в данном случае обновленческого) и с обещанием до конца дней своих быть верным и послушным сыном Святой Церкви; представитель архиерея от лица последнего читает разрешительную молитву и затем присоединяющий и присоединяемый соборно совершают Божественную литургию, за которой члены общины сподобляются принятия Святых Таин.

3. Что допущение русского языка в богослужении (ввиду бывших при покойном Святейшем Патриархе примеров) не встречает непреодолимых препятствий, но необходимо общий порядок и чин богослужения привести в согласие с общепринятым в православных церквях Уставом.

4. Что лица, получившие рукоположение в обновленчестве после 2 апреля 1924 года (когда покойным Святейшим Патриархом было наложено запрещение на вождей раскола), нами принимаются в звании мирян и, если признаны будут достойными, рукополагаются во диакона и далее.

ЖМП № 5. М., 2001. С. 66–67.

Вскоре после этого иеромонах Феофан (Адаменко) вновь был арестован (12 сентября 1931 года). Ссылку отбывал в Пермском крае. В 1934 г. освобожден. Отец Василий, не имея права проживания в десяти крупнейших городах страны (минус 10) прописался во Владимире, но жил в Нижнем Новгороде у своих духовных чад. 26 января 1935 г. о. Василий получил письменное благословение Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Московского Сергия (Страгородского) на совершение богослужения на русском языке.

Копия СПРАВКА

Настоящая выдана священнику Вас. Адаменко (ныне иеромонаху Феофану) в том, что на основании определения Патриархии от 10 апреля 1930 года за № 69, мною дано Ильинской общине г. Н. Новгорода (бывшей в руководстве у о. Адаменко) благословение на богослужение на русском языке, но с тем неперменным условием, чтобы употребляемый у них текст богослужения был только переводом принятого нашей Православной Церковью богослужебного славянского текста без всяких произвольных вставок и изменений (резолуция от 24 янв. 1932 года, п. 2). Сверх того, дано благословение на некоторые ставшие для них привычными особенности богослужения, как-то: отверстие царских врат, чтение Св. Писания лицом к народу (как в греческой церкви) и, «в виде исключения, чтение тайных молитв во всеулышание» (п. 3).

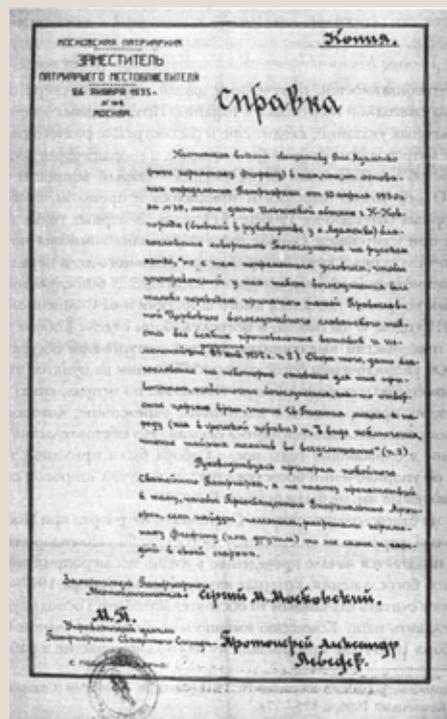
Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные епархиальные архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя
Сергий, М[итрополит] Московский
Управляющий делами Патриаршего Священного Синода
Протоиерей Александр Лебедев

3 мая 1935 г. о. Феофан был арестован вновь вместе с митрополитом Евгением Зерновым, священником Николаем Македонским и священником Петром Новосельским. Их обвиняли в том, что они совершили богослужение 1 мая 1935 года. Священник Феофан (Адаменко) был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Караганду.

После ареста иеромонаха Феофана (Адаменко) по-русски служил его преемник свящ. Василий Абоимов. Однако вскоре, в 1937 г., был арестован и он. Судьба его после ареста неизвестна.

В октябре 1937 года в Карагандинском лагере против группы духовенства и мирян, в которую, помимо священника Феофана (Адаменко), входил также епископ Елецкий Сергий (Зверев), было возбуждено новое уголовное дело. Их обвиняли в том, что они совершали тайные богослужения. На допросах о. Феофан «виновным себя не признал, участие в собраниях и религиозных обрядах не отрицал». 20 ноября 1937 года тройка УНКВД по Карагандинской области приговорила

Фотокопия справки, выданной митр. Сергием (Страгородским) иером. Феофану (Адаменко)

всех арестованных к расстрелу.

Когда о. Феофан был арестован, митр. Сергей предпринимал попытки выволочь его из застенков. Последний раз он пытался это сделать уже в последние дни своей жизни, подав 27 октября 1943 г. заявление в новообразованный Совет по делам православной церкви при СНК СССР ходатайство об амнистии ряда заключённых священнослужителей, которых он «желал привлечь к церковной работе». К заявлению был приложен список: 24 архиерея, архимандрит Афанасий (Егоров) – видимо, келейник патриарха, – и о. Феофан (Адаменко). Патриарх не знал, что к тому времени из всего списка в живых остался лишь один человек, остальные погибли в тюрьмах и лагерях.

Опубликованные труды иеромонаха Феофана (Адаменко):

1. Служебник на русском языке. Перевод. Н. Новгород, 1924.
2. Порядок всенощного богослужения на русском языке. Перевод. Н. Новгород, 1925.
3. Сборник церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке. Перевод. Н. Новгород, 1926.
4. «Что делать?» О неотложных реформах в богослужебной практике Русской Православной Церкви. Самара: Церковная Жизнь, 1927.
5. Сектанство и борьба с ним: речь на Всесоюзном Миссионерском Съезде в Москве (3 февраля 1927 года) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви, № 7–8, 1927.

Материал подготовлен Кириллом Мозговым, Натальей Игнатович. Впервые опубликован на сайте «Литургия.ru»

<http://www.liturgia.ru/>

Фотокопия справки и доказательства ее подлинности приведены в книге: А.Г. Кравецкий, А.А. Плентева. История церковнославянского языка в России. Конец XIX – начало XX в. Изд. «Языки русской культуры», М., 2001, сс. 329–333.

«Будем желать, чтобы вновь воспрянула первая ревность усердия и любви»

Из письма преп. Макария Алтайского к свт. Филарету митр. Московскому

Начало на с. 1

«... Святые между предками нашими так же пользовались языком славянским, как ныне российским многие миллионы потомков их. Что же осталось пастырям нынешней Церкви российской делать, когда Россияне нашего времени отвыкли употреблять славянский язык в разговорах, в сочинениях, в помышлениях; когда немногие без затруднений многих, и весьма многие мало понимают его в священной Библии, и в сем множестве обретаются даже многие клирики ...»

«... Российский язык, соделавшись органом полного откровения Божия, обратит множество грешников от ложного пути их, спасет многия души от смерти, и покроет множество грехов народных».

«...Тогда и славянский язык ... соделается предметом усерднейшего внимания и испытания, когда перестанет служить преградой, отлучающею столь многия души от разумения пророчеств Божиих в Ветхом завете».

«Если вы скажете: еще не время; российский народ не созрел; то мы скажем: когда язык созрел, то и народ созрел. Вы говорите подобно человеку, слишком долго заспавшемуся, который умоляет возбуждающих, чтобы дали ему поспать еще немного».

«... И скажите, ужели российский народ не созрел для брака с Премудростию Божиею, а созрел для беззаконного союза с ея соперницею, женою чуждою, и лукавою, которая прельщает его многою беседою, и тенетами устен

привлекает его (Прит 7:5,21)?»

«Если российский язык, в прелестных произведениях мирской словесности, служащей орудием греха и неправды, заражает все тело общественное, и воспалает круг жизни (Иак 3:6) народной; то позвольте Христовой Церкви уготовить и преподать народу противоядие – полную Библию на российском языке, дабы он обратился в орудие правды, и сам освятившись молитвою и словом Божиим, служил бы к освящению и истинному просвещению народа словом Божиим и молитвою».

Материал подготовлен
Анной Сахаровой

Пять слов

Начало на с. 1 приложения «Язык Церкви»

Молитва предполагает проникновение в смысл слов, «погружение» в него. В полной мере она возможна лишь на том языке, на котором думаешь, чтобы не отвлекаться на перевод. А кто из нас думает по-церковнославянски? В результате остается лишь пустая форма, пусть даже иногда и красивая. Хотя трудно говорить о красоте, когда в богослужебных текстах встречаются матерные слова (1 Тим 5:13). Я уже не говорю про множество двусмысленностей, подчас граничащих с богохульством. «... яко непостоянно великолепие славы Твоя» (из великого повечерия). Это как же великолепие славы Божией оказалось непостоянным? «Чадо Тимофее, гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость» (1 Тим 6:11). «Пролей теплую молитву ко Господу» – это что же, ни холодную, ни горячую? «Господь воцарися, да гневаются людие» (Пс 98:1). А почему бы им гневаться? Есть, конечно, и масса более безобидных выражений, однако, также изменяющих смысл на противоположный. «Ты же человеце равнодушне, владыко мой и знаемый мой» (из 6-го часа). При более детальном рассмотрении «человеце» оказывается не «равнодушно», а единодушный поскольку «равно» раньше воспринималось как «едино».

Кто из нас не знает 90-го псалма? Лет 8 назад ко мне подошел студент пятого курса филологического факультета МГУ, отличник, и спросил, а что такое «срящ»? Ну ты ли не знаешь? Исследования словарей однозначного результата не дали: в одном зараза, холера, в других – нападение.

А 50-ый псалом, наверное, все знают наизусть. Хотите тест? Что означают слова «воздаждь мне радость спасения Твоего»? Примеры можно множить. Чего стоят только «лядвия моя наполнишася поруганий» (шестопсалмие)? Или «...всем смертным пребывающий живот во веки веков дарова» (Пасхальный канон)?

– Да, но церковнославянский язык ведь сакральный! – скажет кто-то. – Как можно обращаться к Богу «несанкционированными» словами? Однако сакральность языка скорее присуща гностике, тайному знанию, магии и сектантству, нежели христианской церкви. Мы ведь произносим не заклинания. А стремление сакральностью отделить церковную

жизнь от повседневной ведет к духовной шизофрении, когда в храме человек один, а на выходе уже совсем другой, и что немаловажно, и говорит по-другому.

Общение с Богом на неродном языке просто отдаляет человека от Отца Небесного, делает его иностранцем в Божием Царстве, хотя Творец нам ближе и земного отца, и матери, и жены, и детей. Так стоит ли бесконечно настаивать на этом лицемерии и лжи ради традиции и «предания старцев» (Мф 15:1–20, Гал 1:13,14)? Ведь далеко не все традиции хороши. На Руси и истуканам поклонялись. Кумира можно сотворить и из богослужебного языка. И служить ему. Фарисейство и буквализм убили Иисуса. Почему книжники и фарисеи искали убить Иисуса? Потому что Он нарушал субботу (Мф 12:1–14, Ин 9:16). Убивают они и живую веру христиан. Хотя это не относится непосредственно к теме, не могу не остановиться еще на одном вопиющем примере костной бестолковости. Я имею в виду юлианский календарь. Когда наступает день весеннего равноденствия? Каждый знает – 21 марта. Да, – отвечают приверженцы старины, – но только 21 марта по старому стилю! Именно поэтому наша Пасха не может быть раньше 4 апреля, потому что она должна быть после дня весеннего равноденствия, т. е. если 21 марта по старому, то, значит, 3 апреля по-новому. Но надо ли здесь о чем-то спорить? Достаточно взять хронометр и промерить время от восхода до заката! Чем же так мил календарь язычника Юлия цезаря, что приходится вести шизофреническую жизнь одновременно по двум датам, когда 23 февраля по-старому есть 8 марта по-новому? Неужели главным атрибутом нашей веры должна быть непроходимая глупость?

Я это пишу не потому, что всё так плохо и дальше жить нельзя. Богослужение на непонятном и неродном языке и по неправильному датаисчислению – тоже дар Божий, и это, конечно, лучше его отсутствия. И через такие службы Господь дает благодать. Но мы призваны к совершенству, и от меньших даров надо стремиться к высшим (1 Кор 13:31).

А.В.Белинский